

«Нам выдали на пятерых одну винтовку...»

«НВ» впервые публикует предельно честные воспоминания о том, как в сентябрьские дни 74 года назад ополченцы защитили родной Ленинград

Эти странички воспоминаний написаны в 1991 году участником тех первых боёв сентября 1941 года, когда только замкнулось кольцо ленинградской блокады. Читаешь эти строки – и тебя охватывает острое чувство подлинности.

Заметки предназначались для публикации, но автор – проректор Ленинградского педиатрического медицинского института Олег Феодосьевич Тарасов – так и не издал их. Странички все эти годы бережно хранила Мария Олеговна Ревнова – дочь автора.

«...Если вам доведётся проезжать по Таллинскому шоссе, то, миновав Красное Село и деревню Телези, вы вскоре увидите дорожный указатель с надписью «Русско-Высоцкая птицефабрика», а впереди откроется деревня Русско-Высоцкое со стелой, обозначающей место встречи в 1944 году войск, наступавших от Ораниенбаумского плацдарма и от Пулковских высот.

Задержитесь, если вы можете, и обнажите голову, отдавая дань памяти тем, кто освобождал город от фашистской блокады, и тем, кто принял на этих полях бой в сентябрьские дни 1941 года. В те грозные для Ленинграда дни на рубеже Русско-Высоцкого держал оборону 265-й отдельный пулемётно-артиллерийский батальон Ленинградской армии Народного Ополчения. Четыре дня ополченцы сдерживали наступление трёх дивизий врага, подбили несколько танков, уничтожили три бронетранспортёра, положили немало живой силы врага, но и сами понесли такие потери, что батальон фактически прекратил существование.

Для нас, оставшихся в живых трёх десятков человек, собирающихся ежегодно в клубе птицефабрики на День Победы, в гибели батальона нет ничего загадочного, но на протяжении 46 лет мы об этом не говорили вслух. Как же всё происходило?..

Батальон наш формировался 6 июля 1941 года в Октябрьском районе, из учащихся Физкультурного техникума, студентов Консерватории, рабочих Балтийского завода и нас – вчерашних школьников. Мы только что окончили школу (252-я школа Октябрьского района. – Прим. публикатора), и 16 июня состоялся выпускной школьный бал. До рассвета мы гуляли по набережной Невы, поклонились Медному всаднику и, конечно, строили планы дальнейшей жизни. Все наши планы перечеркнула начавшаяся 22 июня война. Уже на следующий день, не сговариваясь, мы собрались в школе, провели комсомольское собрание, на котором постановили: всем, не подлежащим призыву, идти добровольцами. Из 17 юношей, окончивших школу, подлежали призыву лишь 6 человек – все мы оказались в составе 265-го ОПАБ (265-й отдельный пулемётно-артиллерийский батальон. – Прим. публикатора).

Всего батальон насчитывал 1800 человек и состоял из трёх рот. В каждой роте были артиллерийские и пулемётные взводы. Я попал в пульзвод, мои товарищи в артвзвод той же первой роты. Обмундировали нас в Институте им. Лесгафта, а разместили в техникуме на углу Садовой улицы и проспекта Майорова. Командирами отделений стали сержанты запаса или прошедшие Финскую кампанию, командирами взводов – младшие офицеры. Мы, правда, очень гордились тем, что наш взвод возглавляет капитан, но выяснилось, что он интендант третьего ранга. Ежедневные занятия проходили в Юсуповском саду: изучение уставов, строевые занятия и «боевые игры». Позже, уже в боях, я понял, что наши «боевые игры» были той же игрой в казаки-разбойники. Оружия у нас не было и поэтому обращению с ним нас не учили. Зато поворотом, подходам к начальству и отходам, отдаванию чести нас учили с утра и до вечера.

25 июля ночью нас подняли по тревоге, выдали всем патроны, на пятерых дали одну винтовку (без ремня), и мы отправились на марш.

Первый привал был на Московском шоссе, напротив недостроенного Дома Советов. Вряд ли кто сейчас, проезжая по оживлённому Московскому проспекту, может себе представить пустынное шоссе с кюветами по обе стороны и растущими за кюветами кустами. Однако, среди голого поля высилось здание Дома Советов. Следующий привал – на Пулковских высотах. Сказалось неумение многих наворачивать портянки, появились первые хромящие и отстоящие. Винтовку на верёвочке вместо ремня несли по очереди, заведя за счастье, на долю которого выпадала эта честь.

Конечной целью стал лес у деревни Телези за Красным Селом, где мы по отделениям расположились в шалашах, сделанных из лапника.

Здесь приняли присягу. Занятия продолжались, но в лесу они свелись к изучению уставов, метанию гранаты (гранаты заменялись камнями, так как

гранат у нас не было) и к «прицеливанию» из винтовки, укреплённой в станке. Мы знали, что наш батальон будет занимать укрепленный район, который сооружается ленинградскими окопниками, но где этот район располагается, нам известно не было. Газеты приносили неприятные известия: менялись направления, на которых шли бои, приближаясь к Москве и Ленинграду, но боевой дух у добровольцев оставался высоким, и мы все горели нетерпением побыстрее схватиться с немцами.

В середине августа нас выдвинули вперёд, и наш батальон занял ещё не достроенный укрепленный район. Первой нашей роте достался участок к западу от деревни Русско-Высоцкое – между деревней и противотанковым рвом. Второй роте – участок по другую сторону шоссе Красное Село – Киньень. Третья рота выдвинулась западнее, в район деревни Скворицы, а четвёртая расположилась восточнее деревни Русско-Высоцкое.

На участке нашей роты были построены 4 ДЗОТа и 2 СОТа (самозакрывающиеся огневые точки. – Прим. публикатора). Наше отделение составило экипаж СОТа. Огневая точка представляла собой бронеколпак с плоской крышей, в боковых поверхностях которого были прорезаны довольно большие квадратные амбразуры. Внутри бронеколпа располагался станок, на котором укреплялось тело пулемёта, способное вращаться, с тем чтобы вести огонь через любую из трёх амбразур, и противовес – ящик с камнями.

По замыслу конструкторов, гарнизон СОТа должен был при появлении перед огневой точкой танка дружными усилиями поднять ящик и бронеколпак опускаться на один уровень с землёй. Пропустив над собой танк, гарнизон отпущал ящик и перед наступающим врагом «как из-под земли» вырастала огневая точка, а «пулемётчик молодой» строчил из пулемёта «по цепи врага густой». Теперь уже, пройдя войну, оглядываясь назад, понимаешь, как наивны были тогда представления о современном бое не только у нас, но и у инженеров, строивших этот рубеж.

Жители деревни были эвакуированы, и их дома заняли строители рубежа – ленинградские женщины, возводившие все оборонительные сооружения с помощью лопат и ломов. Работали они от зари до зари и целый день на ярком солнце, а дни стояли жаркие – можно было наблюдать, как тысячи и тысячи ленинградок копали противотанковый ров. Изредка над нами кружилась «рама» (самолёт-разведчик «Фокке-Вульф» Fw-189. – Прим. публикатора), тогда «окопники» залегали, но «рама» безнаказанно улетала, сфотографировав, по-видимому, строящиеся объекты. Лесок перед противотанковым рвом, откуда мы ждали немцев, был уже заминирован. Дзоты были вооружены 45-мм орудиями, смонтированными в них, но все орудия ориентированы на запад с небольшими сравнительно секторами обстрела.

В 10-х числах сентября обстановка осложнилась. По шоссе тянулся непрерывный поток беженцев и шли отступавшие наши части. Был пущен провокационный, по-видимому, слух о том, что немцы в районе Киньени сбросили десант в форме младших лейтенантов, и младшим лейтенантам буквально не стало житья: их задерживали на каждом шагу, придирчиво проверяли докумен-

Никольская церковь в Русско-Высоцком была сильно разрушена во время войны, а на кладбище возле её руин есть братская могила советских воинов

Олег Феодосьевич Тарасов (1924–1999) – один из тех замечательных педиатров, которые по кирпичику создавали Ленинградскую школу педиатрии. Любимый ученик академика А.Ф. Тура, он принял после смерти учителя его кафедру госпитальной педиатрии в Педиатрическом институте и несколько лет возглавлял её.

Георгий Копытов, врач-педиатр, публикатор

ты и, как правило, отводили в штаб. Винтовок по-прежнему не было. Да к тому же поступил приказ ни в коем случае не стрелять из пулемётов, а тем более – из орудий, «чтобы не демаскировать рубеж». Гарнизоны ДЗОТов упражнялись лишь в прицеливании, а мы без конца разбирали и собирали замком пулемёта и осваивали теоретически с помощью спичечного коробка ведение пулемётного огня поверх голов и в «проект между пехотой». 14 сентября «окопники» были срочно эвакуированы, а нам привезли ящики с гранатами, в которых оказались галеты.

Появились первые раненые – в батальонной разведке, напорившейся на немцев в деревне Большое Жабино. 15 сентября началась бомбёжка и артобстрел. Самолёты буквально висели над нашими головами, периодически поливая нас из пулемётов и сбрасывая бомбы. Артогонь был довольно редким. Отвечать нам было некому – противник в пределах досягаемости нашего огня не появлялся. Пошёл слух, что нам на по-

мощь идут «армия Кулика» и батальон морской пехоты – при нашем вооружении такая помощь была бы как нельзя более кстати, но это оказалось слухом.

17 сентября мы услышали стрельбу – на нашем левом фланге около шоссе в бой вступил ДЗОТ Лешинского, стоявший как раз на развилке дорог у въезда в деревню Русско-Высоцкое и единственный вооружённый 75-миллиметровым орудием.

Вскоре выяснилось, что немцы провались по шоссе и заняли деревню, расположенную у нас в тылу. Ночь мы провели, наблюдая за деревней, в которой горели два дома. Утром сняли со станка и поставили на катки пулемёт, так как артиллерийские ДЗОТы первой роты не могли ничего предпринять против врага, оказавшегося у них в тылу: ни развернуть, ни выкатить орудия они не могли.

Когда рассвело, мы решили обстрелять деревню из пулемёта. Тут-то и сказало наше «засекривание» укрепления: пулемёт стрелял лишь одиночными выстрелами – отсырели патроны. Пришлось в 300 метрах от немцев разводить огонь в блиндаже, соединённом с нашим СОТом траншеей, сушить коробки с пулемётными лентами. Наконец пулемёт заработал. В ответ немцы открыли миномётный огонь, появились первые убитые и раненые. Как сейчас помню первого убитого: он лежал на взгорке, метрах в ста от нас, и рядом лежала винтовка. Вскоре около него появилось ещё двое убитых. Это были бойцы, которые ползли, чтобы забрать винтовку.

Мы продолжали вести огонь по деревне из одного пулемёта и из нескольких винтовок, а немцы отвечали сильным миномётным огнём. В бой вступили

ДЗОТы четвёртой роты, перед фронтом которой оказались фашисты. Мы слышали их стрельбу, но ничем не могли помочь.

Во второй половине дня поступил приказ собираться на КП роты, который находился на нашем правом фланге. Собралось около 100 бойцов. Там мы узнали, что немцы из деревни атаковали с тыла наши ДЗОТы, расположенные ближе к шоссе. Ребята из этих ДЗОТов отходили к противотанковому рву, их мы больше не встречали. В первый же день боя из нашего класса погибли Жорик Повозков и Шурик Петров.

Ночью пришёл приказ: остаткам первой роты отходить к Рошшинскому шоссе. После сильнейшей бомбёжки и неудачного наступления на деревню, расположенную на Рошшинском шоссе, нас, оставшихся, направили на перестроение в посёлок Володарский, а оттуда, сформировав новую часть, направили под Стрельну.

Только после войны, спустя много лет, мы узнали, что третья рота почти полностью полегла в бою под деревней Скворицы, а вторая и четвёртая роты сражались два дня. Многие гарнизоны ДЗОТов дрались в полном окружении и взорвали себя (ДЗОТ Алеинникова), многие погибли.

До сих пор мы ежегодно собираемся на месте, где погиб Павлик Филимонов – пятнадцатилетний ремесленник, корректировавший огонь ДЗОТа, когда из строя вышла перископная система. Так в 1941 году погиб 265-й батальон, заслонив собой город Ленина. Конечно, это были лишь первые месяцы войны – страна ещё только перестраивалась на военный лад, и когда в 1943 году я вновь попал в армию, ничего похожего на 1941 год уже не было...»